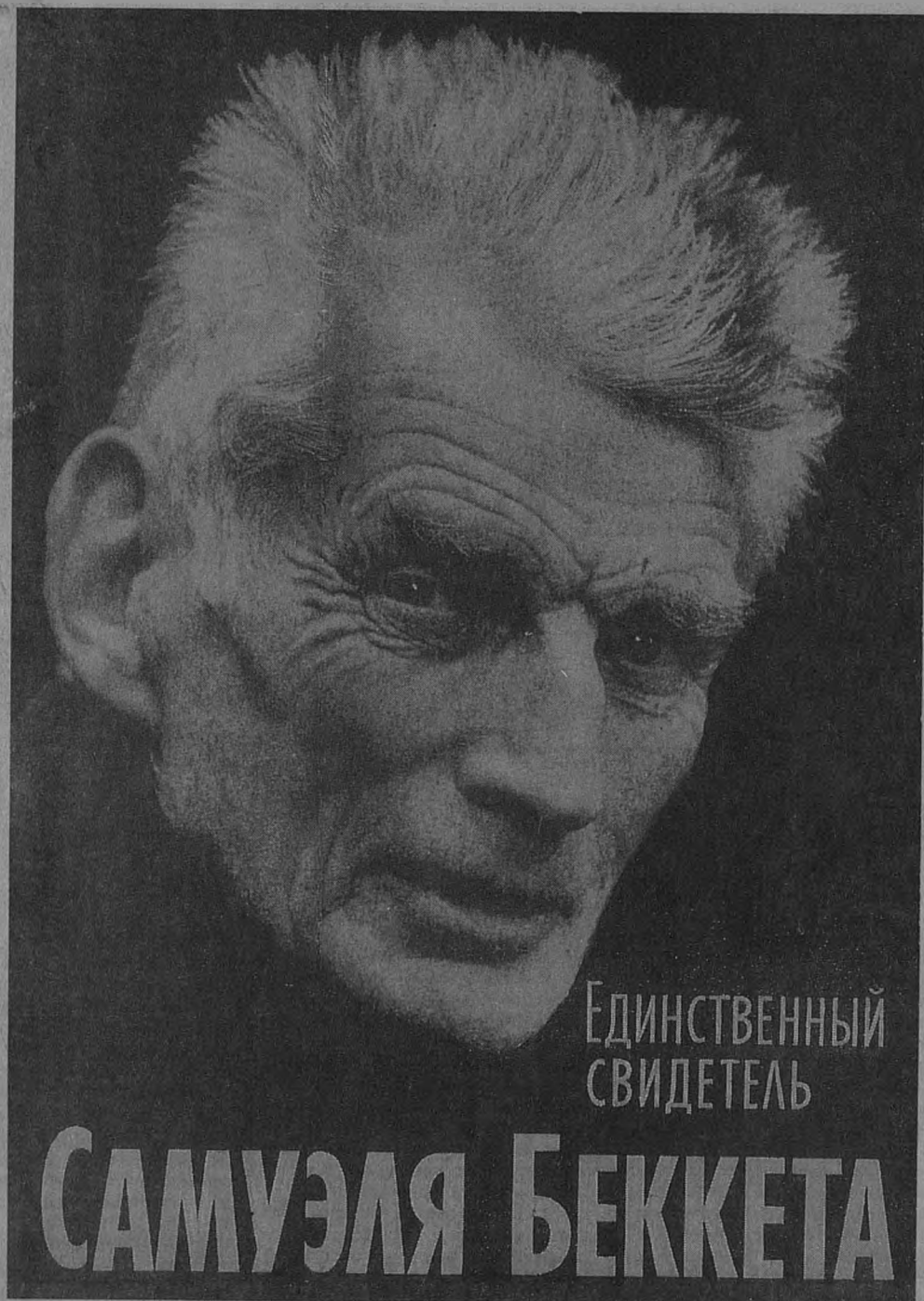

Западные критики утверждают: не проходит вечера, чтобы в каком-либо из крупнейших драматических театров Европы не шел спектакль по пьесам Беккета. Утверждают это с удивлением, потому что его творчество выдержало не только испытание временем, но и смертью,— прошел год со дня его кончины, а интерес к нему не гаснет. Беккет — один из ярчайших драматургов XX столетия. Он автор романов «Моллой», «Манон умирает», «Уотт», «Как это», пьес «Конец игры», «Последняя лента Крэппа», «В ожидании Годо» — эта пьеса принесла ему поистине мировую известность. Накануне Нового года в Европе вышла в свет биография Самуэля Беккета, написанная американкой Дэрд Бейр. Она была единственным человеком, которому Беккет дал согласие на создание такой книги, много встречался с ней, рассказывал о себе. Об этом говорится в интервью, напечатанном на страницах итальянского еженедельника «Эуропео».

— Так вы и есть та самая женщина, которая решила меня, шарлатана, вывести на чистую воду? — такими словами Самуэль Беккет встретил американку Дэрд Бейр, журналистку и литературоведа, приехавшую в Париж с намерением написать его биографию. Бейр хотела сделать открытие, показать всему миру, как Беккет-человек повлиял на Беккета-драматурга. У Беккета подобная идея, естественно, не могла не вызвать содрогания. Конечно же, он не боялся, что все увидят, будто он действительно шарлатан. Нет, просто он считал: важно то, что писатель создает, так сказать, «конечный продукт». Писателя, на его взгляд, можно сравнить разве что с театральным актером, которого он называл средством для передачи идеи либо текста. Не более. И чем незаметнее было это «средство», тем лучше, на его взгляд, и для текста, и для самой идеи.

Именно по этим причинам да еще потому, что терпеть не

мог он публичных «мероприятий», все считали, что великий драматург никогда не согласится на публикацию своей биографии, и уж ни в коем случае не примет никаких предложений о сотрудничестве в ее создании. Многие предлагали свои услуги в этом плане, и всем он отвечал коротко: «нет». А вот реакция на предложение Бейр не была столь решительной. Он сказал: «Помогать я вам не буду, но и мешать — тоже». Так прошло семь лет. Он не мешал Бейр работать, встречался с ней, охотно разговаривал...

И вот наконец книга вышла. Она написана на основании долгих бесед с драматургом. Беккет не позволял ни записывать что-либо, ни тем более пользоваться магнитофоном. Бейр беседовала также со всеми друзьями, знакомыми, «коллегам» драматурга, тщательно изучила его частную переписку. И после этого взялась за книгу. Американка восстановила в деталях всю жизнь и творческий путь писателя, начиная с его детства в Дублине до последних дней в Париже. В ее книге — картина сложных отношений драматурга с членами его семьи, в частности с матерью. В этой книге описаны болезни, которыми многие годы страдал Беккет, и тот нервный кризис, который он перенес и который заставил его обратиться к врачам-психоаналитикам. Написала она и о врожденной робости в отношениях с женщинами, начиная с его матери и кончая его женой Сюзанн Дюшево-Дюмесни.

Книга рассказывает также, как Беккет всю жизнь обожал другого ирландского писателя, Джеймса Джойса, более того, преклонялся перед этим человеком. Некоторым это казалось даже смешным — и не без основания. «Беккет начал подражать жестам, привычкам, даже манере поведения Джойса... Дошло до того, что он заказал себе такие же остроносые вечерние туфли, какие носил только Джойс, — и мог себе это позволить, поскольку у него нога была на несколько размеров меньше, чем у Беккета», — пишет в своей книге Дэрд Бейр.

Кто-нибудь скажет, что можно читать беккетовскую пьесу «В ожидании Годо» и наслаждаться этим произведением, не будучи в курсе подобных подробностей из жизни писателя. Это так. Но от биографии публика ждет именно таких деталей. И в них у Бейр нет недостатка. А вот что она сама рассказывает о своей книге и о встречах с Самуэлем Беккетом.

— Как удалось убедить Беккета помочь вам в создании его биографии?

— Ответить на этот вопрос непросто. Думаю, что на такое его решение повлияли несколько факторов. Во-первых, я никогда не претендовала на то, чтобы войти в узкий круг его

самых близких друзей, вторых, никогда и нигде не кичилась тем, что у меня с ним особые отношения.

— Это он почувствовал потом, а вот с самого начала — почему он согласился принять вас?

— Не знаю... Беккет отличался тем, что мог составить впечатление о человеке с первого мгновения. Очевидно, его первое впечатление обо мне не было негативным. Думаю также, что мысль о том, что будет написана его биография, в то время уже не казалась ему ужасной. Его друзья говорили мне, что в отличие от многих парижских писателей его очень занимало, какое впечатление о себе он оставит у потомков.

— И хотя он сказал, что не будет ни помогать вам, ни мешать, в конце концов стал помогать.

— Безусловно. Правда, он никогда не проявлял никакой инициативы, но и не противился ничему. Отвечал на все мои вопросы, дал свои письма, познакомил с друзьями.

— Почему он не хотел, чтобы во время ваших бесед вы пользовались магнитофоном?

— Ему претила мысль о том, что после его смерти эти записи могут быть «пущены в обращение». «Не хочу, чтобы какая-то часть пережила меня после смерти», — говорил он.

— А как же случилось, что вы ни разу не поговорили с его женой?

— В то время она вела очень уединенный образ жизни, сидела практически взаперти и общалась только с небольшим числом близких людей.

— А в доме Беккета вы ее никогда не встречали?

— Я не находилась в его доме подолгу. Обычно заходила за ним, и мы шли в какое-нибудь кафе поблизости.

— Когда вы собирали материал для книги, какой эпизод из его жизни вас поразили больше всего?

— Рассказ о том, как он решил пройти курс психоанализа. Чтобы решиться на такой шаг — а это было в тридцатых годах, — требовалось немало мужества. Не говоря уже о том, что для этого нужны были серьезные основания.

— Об этом вам рассказывал сам Беккет?

— Нет, приятель врача, к которому он обратился. Но когда я спросила об этом у самого драматурга, он подтвердил, что так и было. Я спросила, сколько времени длилось лечение. Он ответил: два года. И добавил: «Я бы не хотел больше об этом говорить».

— На ночном столике около его кровати в клинике для престарелых, где Беккет провел последние дни своей жизни, лежала «Божественная комедия» Данте на итальянском языке. Как вы думаете, почему?

— Беккет изучал итальянский язык и среди итальянских авторов, которых читал в оригинале, особенно любил

Данте. Постоянно по любому поводу цитировал его. Однажды его друг Вальтер сказал: «Вот ты все сидишь без дела, хотя весь мир несетя в тарарары. Хочешь ли ты чего-нибудь от жизни?» Беккет (флегматично): «Дорогой Вальтер, все, что мне от жизни надо, это сидеть вот так задницей в кресле, кое-что пописывать и думать о Данте». Да, он этого очень хотел — чтобы его оставили в покое, чтобы он мог думать только о своей работе — и о Данте.

— Однако любимым его писателем был все-таки Джойс.

— В этом нет никакого сомнения. Джойс для него являлся самым великим.

— Вы никогда не слышали, чтобы он сравнивал себя с Джойсом?

— Нет, это смутило бы его, он посчитал бы это неправомерным. Он знал, что в творческом плане сравнивался с Джойсом, а с точки зрения признания, известности, может быть, даже превосшел его. Но он вообще никогда не сравнивал себя ни с Джойсом, ни с кем-либо другим.

— В течение многих лет у Беккета сложилось складывались отношения с Люси Джойс, дочерью писателя. Почему?

— Не думаю, что Беккет был влюблен в нее, а вот Люси — да, по крайней мере в начале. Что приводило его в смущение, он не хотел, чтобы от этого пострадала его дружба с Джойсом. И потому был с ней очень осторожен.

— От осторожности к пассивности — один шаг. Вы утверждаете, что Беккет вообще был очень пассивен с женщинами. Почему вы пришли к такому заключению?

— Это не мое заключение, так считают многие его приятельницы.

— А его женитьба — тоже проявление этой пассивности?

— И на эту тему мы с ним говорили. Я спросила: правда ли, что его брак носит, так сказать, чисто официальный характер? Он это подтвердил... Но, по-моему, и это тоже было своеобразным подражанием Джойсу.

— Так его отношения с Сюзанн никогда не были истинными отношениями мужа с женой?

— Думаю, что вначале это было... Я знаю совершенно точно, что Сюзанн была очень сильно к нему привязанна... Как и многие женщины, которые хорошо знали его...

— Беккет никогда не разлучался с Сюзанн, но у него были связи со многими женщинами. Какого типа были эти связи?

— Самые разные. Я, например, совершенно точно знаю, что к одной он постоянно приезжал, чтобы просто поболтать. С другой его связывали интимные отношения. С третьей любил ходить по ресторанам и выпивать.

— В своей книге вы пишете: «Есть одно слово, которое может помочь понять характер

этого человека: это слово — контроль...»

— У Беккета была потребность держать под контролем любую ситуацию, которая могла возникнуть в его жизни. Со школьных лет он привык никогда и никому не подчиняться. Его друзья вспоминают, что он никогда и никого не приглашал к себе домой. Он сам определял, где встретиться с друзьями, чтобы в нужный ему момент спокойно и беспрепятственно уйти. У него были, если можно так сказать, строго индивидуальные отношения со всеми друзьями — он никогда не знакомил их. Но самые яркие доказательства этой его потребности держать все под контролем проявились позже, когда он стал заниматься театром.

— Думаете ли вы, что для него было важно добиться успеха у критики и у публики?

— Да, по крайней мере в начале его карьеры, пока он не стал знаменитостью. Однажды он написал одному своему другу: «Я устал писать книги, которые никто не читает». Но уже потом, особенно после необыкновенного успеха пьесы «В ожидании Годо», он стал относиться безразлично к мнению и публики, и критики.

— Беккет часто говорил, что пьеса «В ожидании Годо» — сочинение, по его мнению, посредственное. Это из-за ложной скромности?

— Думаю, что поначалу он и в самом деле так думал. Когда театры Европы один за другим стали ставить «В ожидании Годо», он несколько раз переделывал и подправлял текст. Собственное детище его явно не удовлетворяло. Он был искренне уверен, что многие его сочинения были лучше этой пьесы, и не понимал, почему все уперлись именно в «Годо».

— Одному из членов жюри Нобелевской премии по литературе, который выдвинул его кандидатуру на премию за год до того, как она ему была присуждена, он написал: «Спасибо за оказанную честь, но

если есть правда на этой земле, то остальные члены жюри мою кандидатуру проигнорируют, и это справедливо». Он был искренен, когда писал эти слова!

— Я думаю, что он был искренне убежден в том, что никогда не получит Нобелевскую премию. Конечно, он очень ее хотел, но и боялся одновременно. В конце 1969 года, когда Беккету присудили эту высокую награду, он и его жена находились в Тунисе: каждую осень они бежали на юг, спасаясь от сырости и простуды. На телефонный звонок, раздавшийся 23 октября, ответила Сюзанн. Выслушав сообщение о присуждении Беккету Нобелевской премии по литературе, сказала: «Это катастрофа». Она поняла, что пришел конец спокойной жизни, что эта премия принесет им массу неприятностей и сложностей.

— Однако, несмотря на двойственное отношение Беккета к премии и страху Сюзанн, его французский издатель Жером Линдон сделал немало, чтобы драматург получил эту награду.

— Да, это так, и Беккет обо всем знал. Хотя и считал, что все это — напрасные хлопоты. Линдон вообще играл большую роль в жизни Беккета, о чем часто забывают. Это был некий серый кардинал, именно он решал, с кем должен встречаться Беккет, кто будет читать его рукописи, как и когда устраивать презентации новых работ.

— Беккет не захотел отправиться в Стокгольм, чтобы лично получить премию, и не дал согласие на то, чтобы она была вручена ирландскому послу, как полагается в подобных случаях.

— Ирландия не создала условий для того, чтобы этот великий писатель мог работать дома. Вот и он не захотел, чтобы его родина разделила с ним эту славу.

Публикацию по итальянской прессе подготовила Л. ФИЛАТОВА.

● С. Беккет с актрисами во время репетиции спектакля «В ожидании Годо». Фото из еженедельника «Эуропео».